

Шаньюй, развеселившись от его ласк, крепко обнял его и уснул глубокой ночью. Красавец, дождавшись, когда шаньюй заснёт, осторожно отодвинулся, позволив члену выскользнуть из себя, и, с отвращением прижавшись к его волосатой груди, всё же уснул в железных объятиях.

Проведя ночь с шаньюем, Красавец наутро чувствовал такое омерзение, что не мог есть. Рано утром шаньюй проснулся и снова принялся целовать и ласкать его. При свете зари Красавец разглядел грубое, смуглое лицо шаньюя, и его снова охватила тошнота.

Этот степняк был слишком груб, и, думая о нём, Красавец представлял себе чёрную свинью. Когда шаньюй поднял его и усадил себе на бёдра, он снова залился слезами. Как его муж мог быть таким уродливым, да ещё и старым? Дети шаньюя были старше его самого! Зачем он вообще сюда приехал?

Плача, Красавец покорно принимал его, а шаньюй, держа его за ягодицы, лёжа под ним, яростно двигал бёдрами. Мужчина, глядя на его струящиеся волосы, нежную, как молоко, кожу и изысканные черты лица, тяжело дышал. Яньчжи, присланный ханьцами, был прекраснее всех красавиц, каких он когда-либо видел. Яньчжи был так юн и нежен, и даже его капризный нрав лишь разжигал в шаньюе страсть.

Грубыми пальцами шаньюй провёл по его глазам, покрасневшим от слёз, и хрипло прошептал:

— Яньчжи, не плачь!

Его слова прозвучали как приказ. Красавец, опустив взгляд, увидел густую волосатую грудь шаньюя, жёсткие волосы кололи его кожу. Даже лицо мужчины было покрыто щетиной, особенно густыми усами. Красавец, представив, как эта уродливая чёрная свинья снова и снова овладевает им, не выдержал и, прижавшись к его груди, зарыдал.

Он никогда не испытывал такого унижения, особенно после того, как его брат, столь изысканный мужчина, любил его. Теперь же, служа этой чёрной свинье, он чувствовал себя в аду. Шаньюй, разгневанный его плачем, понял, что Красавец не хочет его, и, сжав его подбородок, грубо спросил:

— Ты не хочешь?!

Его голос звучал так угрожающе, будто малейший кивок Красавца мог спровоцировать войну. Тот прекрасно понимал, что должен делать, и, обхватив шаньюя, сдавленно ответил:

— Хочу, хочу, у-у-у...

Жалобный плач не умолкал всё утро. Шаньюй, всё же пожалев его, крепко обнял и, сжав его тонкую талию, утешал:

— Не плачь больше. Яньчжи Ивэйсе не должен плакать.

Но, несмотря на его слова, Красавец, сидя голым на волосатой ноге шаньюя и прижавшись лицом к его груди, продолжал рыдать. Шаньюй вытер ему лицо тканью, убрал сопли и снова принялся вытирать. Красавец, чувствуя боль от грубых прикосновений, с отвращением положил подбородок на мощное плечо мужчины, не глядя на него. Шаньюй, хоть и старый, был крепко сложен, и Красавец, теребя его жёсткие волосы на груди, чувствовал лишь нарастающее омерзение.

В палатку вошёл слуга, доложив, что принцы и приближённые уже ждут в шатре, и шаньюю

надлежит явиться вместе с Яньчжи. Золотой свет, хлынувший внутрь, когда слуга откинул полог, ослепил Красавца, и он недовольно сморщился.

Шаньюй шлёпнул его по ягодицам, сжал затылок и повернул его лицо к себе. Красавец не хотел смотреть на него, но шаньюй приблизился и снова поцеловал его глубоко и страстно. Красавец быстро закрыл глаза, его нежные губы стали влажными от поцелуя. Толстый язык шаньюя исследовал его рот, почти лишая дыхания. Красавец, размягчённый поцелуем, быстро возбудился, его соски затвердели. Как ни уродлив был мужчина, целовал он искусно. Шаньюй, лаская свою прекрасную Яньчжи, удовлетворённо рассмеялся и, с помощью слуг, принялся умываться и одеваться.

Служанка-кочевница хотела помочь Красавцу, но он с отвращением оттолкнул её, схватил принесённую слугой волчью шкуру и, усевшись на кровать, снова заплакал. Он не хотел, чтобы его обслуживала уродливая кочевница, ему нужна была его собственная служанка. Шаньюй, быстро умывшись, увидел его плачущим и, сжалившись, велел позвать его слугу.

Когда Красавец наконец собрался, прошло уже два часа. Шаньюй, не дождавшись, ушёл в шатер к своим приближённым. Красавец отказался надевать одежду кочевников, несмотря на мольбы слуги, и облачился в ханьские одеяния, лишь заплетя волосы в косы согласно местному обычаю и украсив их бусами, камнями и волчьими клыками.

Когда Красавец, ведомый слугой, вошёл в шатер, принцы и приближённые уже почти закончили завтрак. Шаньюй восседал во главе, радостно беседуя с подчинёнными.

Тема разговора, конечно, касалась Яньчжи. Один из влиятельных военачальников спросил шаньюя, почему Яньчжи ещё не прибыл. Шаньюй уже хотел послать слугу поторопить его, как полог шатра взметнулся, и Яньчжи в ярко-алом ханьском халате, ведомый слугой, величественно вошёл внутрь. Все замерли, поражённые его красотой. Волосы Яньчжи были высоко убраны, заплетены в множество тонких косичек, украшенных драгоценными камнями и волчьими клыками. Его лицо было белым, как яшма, лишь губы тронуты румянами. Яньчжи, одновременно невинный и соблазнительный, робко взглянул на торжественный двор шаньюя и, следуя ханьскому этикету, преклонил колени.

Шаньюй тут же поднялся, мягко поднял его и, обняв за талию, усадил рядом с собой, не сводя с него глаз. Три другие жены шаньюя, сидевшие ниже, увидев, что Яньчжи восседает наравне с ним, скривили губы от зависти. Эти женщины, тоже знатного происхождения, были дочерьми вождей крупных племён, и теперь, оказавшись ниже ханьского принца, чувствовали себя униженными. Трое принцев шаньюя тоже устали на Яньчжи, поражённые. Хотя они и видали ханьских красавиц, но столь пленительной и благородной красоты не встречали никогда. Яньчжи был подобен небесной фее, чья красота затмевала всю степь.

Старший принц, уже женатый, не мог оторвать взгляда от Яньчжи, даже несмотря на присутствие супруги — дочери вождя важного племени. Он даже забыл пить, замороженный зрелищем. Когда шаньюй усадил Яньчжи рядом, тот, увидев перед собой дымящееся овечьё молоко и баранину, снова поморщился.

Завтракать такой пищей, да ещё когда шаньюй отламывал куски лепёшки и подносил ему ко рту, — Красавца снова охватила тошнота. Он не выносил запаха баранины, и, будучи крепко обнятым шаньюем, покраснел от слёз. Слуга с укором смотрел на него, шаньюй тоже хмурился, и Красавец, подавив рвотный позыв, разжал губы и принял кусок лепёшки.

Кочевники они и есть кочевники, едят словно скот. Красавец, с покрасневшими глазами, жевал

жѣсткую лепѣшку, а затем с ужасом увидел, как шаньюй отрывает кусок баранины и протягивает ему. Пальцы мужчины, унизанные драгоценными кольцами, были жирными, и он держал мясо прямо перед его ртом. Красавец, с отвращением и тошнотой, едва сдержал слѣзы.

Он заставил себя съесть баранину, выпить овечье молоко и, сдерживая рвотные позывы, позволил шаньюю вывести себя из дворца. Свадьба продолжалась и должна была длиться три дня. В эти дни все вожди племѣн собрались при дворе, веселясь и устраивая состязания.

Принцы и приближѣнные преподносили шаньюю дары. Младший принц, которому было всего шестнадцать, в одиночку отправился на север, в великую пустыню Гоби, и за три дня добыл волчьего вожака. Он втащил огромную тушу волка и, бросив её к ногам шаньюя, преклонил колено:

— В дар тебе, отец!

Затем, украдкой взглянув на Яньчжи, покраснев, добавил:

— И тебе, Яньчжи.

Красавец с любопытством разглядывал замѣрзшую тушу, потом — худощавого юношу, и с неудовольствием подумал: «Сын уродливого кочевника, такой же дикий и некрасивый».

Шаньюй был чрезвычайно доволен, похлопал младшего сына по плечу, восхваляя его доблесть, и вручил ему в награду свой драгоценный кинжал, что всегда носил при себе. Второй принц, увидев, как отец выделяет младшего брата, с ревностью вскочил, сбросил верхнюю одежду и бросил вызов:

— Победишь меня — тогда и получишь отцовский кинжал.

<http://bllate.org/book/16253/1461921>